

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

6. ДЕСЯТИЛЕТИЕ УДАЧИ

2. НЕ КАРСТОМ ЕДИНЫМ...

Когда ты в горах – мир внизу кажется проще.
Лишенная мелочей, жизнь проступает отчетливей.
По-юношески концентрируются тени – все становится контрастнее, жестче.
И безжалостно расставляются акценты: бескомпромиссность – такая желанная и недоступная внизу – ее дарят нам горы.
Когда мы уходим от Солнца – мы оставляем наши проблемы здесь, наверху.
Пройдя очищение глубиной, проще понять их суть.

Нужно хоть немного побыть в мире без полужвуков и полутонов: чтобы друг оставался другом, а враги были далеко.

Чтобы грань ощущалась кожей, и, сказав "а", – нужно было бы идти до конца.
И отступить считалось бы невозможным, а отступление не казалось бы трусостью.

Когда мы возвращаемся из глубин к свету, мы становимся добрее. С глаз спадает пелена, и уходит из души муть, притупляющие чувства и сочувствие.

Но вот мы спускаемся вниз к морю, и уже томимся предчувствием – вот сейчас кончится эта сказка, и нас окружит обыденная суeta.

Плыть по течению?

* * *

1985 год стал переломным для нашей, тогда еще неделимой, страны.

Только тогда мы еще не осознавали всей глобальности грядущих перемен.
Однако существовать прежним образом многие из нас не хотели, причем со всей серьезностью.

Можно сказать, что из всех, если можно так выразиться, путешественников-экстремалов – спелеологи очнулись одними из первых.

И не только опомнились, но и взбунтовались.

Можно любить только пещеры и отдавать им все свое время.

Но пещеры без людей – ничто.

А люди и общество неразделимы.

Можно сколько угодно прятать голову под крыло, делая вид, что тебя ничего не задевает, или без толку пассивно ругать все и вся.

Вот именно это – надо понять, наконец! – только и нужно тем, кто стоит у "руля" идущего не в ту сторону "паровоза".

И кейвинг, конечно, не является исключением.

После гибели Морозова председателем Центральной комиссии спелеотуризма стал москвич Николай Андреевич Марченко.

Надо сказать, что к этому времени из глубин нашего спелеодвижения выдвинулся целый ряд очень интересных лидеров, вокруг которых происходило интенсивное брожение самых современных и далеко не миролюбивых идей. Такими "центрами кипения" в осмыслении происходящего, и осознания возможных путей развития советского кейвинга стали представители различных спелеологических регионов, что характерно, весьма отдаленных географически.

В Киеве – Александр Климчук, в Москве – Николай Марченко, в Красноярске – Юрий Корначев.

Понятно, что они были не одиноки. Без помощи, а порой, и яростного оппонирования товарищей по кейвингу наши лидеры лидерами бы не стали.

Чтобы прослыть великим полководцем, нужно иметь достойного противника.

Как бы там ни было, но эти лидеры и составили, в конце концов, мозговой центр советского спелеодвижения.

Внес свою лепту в развитие ситуации и сформировавшийся к 85-му году наш спелеоцентр на востоке Казахстана.

* * *

Чего-чего, а в противниках новым веяниям недостатка никогда не ощущалось. Причем во все времена.

Закостеневшая тоталитарная система советского государства стремилась раздавить любую инициативу, противоречащую устоявшимся порядкам, справедливо расценивая всякое проявление живой мысли как посягательство на устои. Плоть от плоти государства – система советов по туризму и экскурсиям, тоже не являлась исключением. А поэтому спелеотуризму, особенно на первых порах борьбы за реорганизацию, приходилось туго.

Положение осложнялось тем, что, попав в общую упряжку под единым названием "туризм", кейвинг не мог опереться ни на кого из названных собратьев по тропе. Гораздо более многочисленные приверженцы других видов туризма в то же время оставались более разобщенными, инертными и политически безграмотными (мы-то не блистали!). Но спелеотуристам было все-таки легче – связи между секциями и клубами страны существовали весьма прочные, информация распространялась достаточно оперативно. А, как известно, информационная связь – залог успеха любого начинания. Ну и, кроме того, спелеологи накопили некоторый опыт политической борьбы во время междоусобных конфликтов, когда в недалеком прошлом в спелеотуризме столкнулись два внутренних течения и более демократичное одержало верх. Причем все это произошло еще за пять лет до официального объявления пресловутой Перестройки советского общества.

Победить-то мы тогда победили, но наши завоевания ни в малой степени не коснулись основ Системы, в которой был вынужден существовать советский кейвинг – ни системы советов по туризму, ни, тем более, системы государства.

И это мы постепенно тоже начинали понимать.

В 1985 году клубы страны обошел документ, значение которого трудно переоценить. Трудami названной тройки лидеров был рожден "Анализ состояния и проблем любительского спелеологического движения в СССР".

"Анализ" был составлен, размножен и разослан – нелегально, минуя официальные каналы и согласование в директивных органах туризма.

Это сразу же вызвало ответную реакцию – как со стороны спелеообщественности, так и, конечно, со стороны бюрократического аппарата. И приемы аппаратчиков новизной не радовали.

Колю Марченко "приглашали в органы", но – все обошлось. Хотя Резван и предлагал Марченко написать к Киевскому совещанию по карсту и спелеологии доклад на тему: "Решетка" – как основной аспект спелеологической деятельности в СССР".

Это было все еще то, но уже все-таки – не то время.

"Анализ" взорвал тишину, побудил к действию всех наиболее думающих и заинтересованных в переменах лидеров местных секций и клубов, дал толчок дальнейшим событиям. А они не замедлили быть. В ответ на "Анализ" по стране прокатился целый ряд писем и разработок. В том числе и мой "Проект-предложение по оргструктуре любительского спелеодвижения в стране". В нем я (на 29 машинописных страницах через один интервал – во был накал!) яростно громил практику маршрутно-квалификационных комиссий, заявочно-отчетно-справочную систему бумагомарания и многие другие спелеотуристские "хомуты".

В Красноярске неистовствовал Юра Корначев. Его работоспособность вызывала уважение: не ленись в переписке, он снабжал своими рукописными разработками

полстраны. Оставаясь несколько в стороне от Красноярского клуба, и в тоже время опираясь на его мощь, Корначев интенсивно прорабатывал идеологические аспекты.

На другом краю страны, в Киеве, выражал чаяния молодой поросли научной спелеологии Саша Климчук, разрабатывая жилу спелеоэкологии. Найдя контакт с Украинским обществом охраны природы, Климчук иной раз повергал меня в трепет своими запретительскими сентенциями.

В Адлере Володя Резван осмысливал подготовку кадров, собирал по крупницам историю советского спелеотуризма.

В Симферополе Александр Козлов, всесоюзно известный по юношескому еще прозвищу – Шакал, возглавил первый в Крыму, да и во всей стране, хозрасчетный спелеоклуб, наработывая уникальный пока опыт существования хозрасчетных общественных неполитических организаций.

В Москве Владимир Киселев, уходя от политики внутренней, развивал зарубежные контакты, щедро делился информацией.

Мы в Усть-Каменогорске осваивали запрещенную технику одинарной веревки, SRT – и это тоже баламутило новой струей наше общее болото.

Председатель Центральной спелеокомссии Коля Марченко (недаром специалист-системник по дискретной технике), что было сил, сводил воедино разбушевавшиеся полюса.

Постепенно от шараханий из крайности в крайность, от противопоставления кейвинга и научной спелеологии, спелеотуризма и первопроходчества, раздираемые противоречивыми соблазнами – добраться до профсоюзных денег и стремлением к экономической самостоятельности, мы приходили к пониманию неделимости сущего в природе...

* * *

Где-нибудь в Москве, Киеве или Красноярске, на встречах спелеологов разных городов, когда в клубах сигаретного дыма в муках, смехе и ругани прорабатывались очередные ходы на нелегком пути к организационной самостоятельности, я часто не успевал записывать особо удачные высказывания, фразы и каламбуры своих товарищей по кейвингу.

А послушать было что!

Однажды Корначев пришел на очередное заседание вооруженный занятной книжечкой под названием "Тотальный шпионаж" Курта Рисса в английском, а затем русском переводе Военного издательства Народного Комиссариата обороны 1945 года издания.

Можно понять, что работа велась серьезно!

Когда мозги слишком уж перекалялись, обязательно находился кто-нибудь, кто в наступившей обалделой тишине разряжал обстановку, безразлично спрашивая что-нибудь вроде:

– А скажи, Марченко, какая разница между фортепиано и унитазом?

Марченко, как и полагается в ожидании подвоха или анекдотического продолжения, подозрительно качал головой, щурил усмешливый глаз и заглатывал крючок:

– Откуда мне знать? Не знаю.

И тут же следовало убийственное:

– Эх ты, а еще интеллигентный человек!

Когда утихал сотрясающий стены и перекрытия хохот, Коля говорил:

– Как полагаете, мужики, что должен подумать майор Петров, внимательно изучающий записи моих телефонных разговоров, когда в шесть утра звонит Красноярск, и Корначев бодрым голосом докладывает:

– Значит, так. Информация разослана, карабины получил, люди готовы! А?

В такие дни крохотная квартирка Марченко у Московской кольцевой железной дороги в районе ВДНХ становилась "горячей точкой", в которой живо ощущался, пульсировал, бил по нервам упругий ритм времени.

Помню, как впервые разыскивали с Резваном эту квартиру на окраине Москвы, и, наконец, вошли в лифт.

– Интересно, на каком этаже живет Марченко? – я озадаченно рассматривал по-московски длинный ряд кнопок.

– Однозначно, – хмыкнул Резван. – Не видишь, что ли? Какая кнопка наиболее обшарпана? Правильно! Шестой этаж.

Он не ошибся.

– Это что! – рассказывал Резван, когда мы далеко за полночь выбирались по ночным московским улицам восвояси. – В предыдущий свой визит к гражданину Марченко я заблудился на конечной автобуса и решил спросить, для верности, у попутчика-милиционера, где тут Холмогорская улица? Веришь, нет? Сержант внимательно так на меня посмотрел и спрашивает: "Вы к Марченко? Сейчас объясню!"...

* * *

К сожалению, я не могу рассказать на этих страницах обо всех наших приключениях на политическом поприще. Это совсем отдельная история – по закрученности сюжета и остроте ситуаций не уступающая доброму детективу. Упомяну только основные вехи нашего пути к созданию самостоятельной спелеологической организации в СССР. Пути, который, как оказалось – как тогда было знать? – вел в никуда. Но в этом нашей вины уже не было.

Всесоюзное Спелеологическое совещание 1986-го года в Киеве (*258) признало необходимость создания общесоюзной организации, выполняющей координирующие и информативные функции, учет пещер и контроль за пещерным фондом страны, а также представляющей страну на международном спелеологическом уровне.

Вопрос об утверждении этой организации выносился на следующее Всесоюзное совещание, которое планировалось там же в Киеве через год.

Быстро сказка сказывается...

* * *

Казалось, что Всесоюзная спелеологическая организация вот-вот будет учреждена. Мы всей душой жаждали этого события.

Зимой 1986 года личный состав Красноярского семинара инструкторов спелеотуризма направляет в адрес Центральной комиссии коллективное письмо за подписями представителей более чем 20-ти спелеоколлективов Союза.

"Общественное спелеодвижение нельзя свести только к спелеотуризму, – писали мы. – Нам тесно в его рамках. И прежде всего потому, что мы используем свой досуг не только и не столько для отдыха, но главным образом на пользу обществу, выявляя и разведывая подземные пространства нашей Родины.

Созидательное начало этой главной нашей задачи, а именно деятельность, направленная на приращение территории подземного пространства страны и помощь государству в освоении этой территории – в корне отлично от потребительского туризма, в который может превратиться наше движение, если свести его лишь к спелеотуризму...

Разрешение всех существующих в нашем движении проблем может быть достигнуто только при условии объединения всех сил общественного спелеологического движения страны в одну действительно дееспособную организацию..."

Спелеологи страны осмысливали свое место в обществе. И оно оказывалось несколько иным, чем отведенное нам волей директивного аппарата.

Не в силах в полной мере оторваться от впитанных в течение всей предыдущей жизни идеологических корней, больно и мучительно, но мы осознавали себя.

"Союз спелео – объединение организаций, имеющих общие интересы хотя бы в одной области. Именно так может быть создана эта организация!!!" – писал Корначев.

Характерно, что почти все мы мыслили исключительно "масштабно" – уж минимум организациями, клубами, объединениями. Мы и не умели по-другому – сызмальства воспитывались исключительно в коллективистском восприятии окружающего.

За организациями всех рангов и мастей мы привычно не обращали внимания на самих себя, забывали о каждом из нас в отдельности. О том самом Человеке, ради которого, в конечном итоге, только и имеет смысл что-либо создавать.

По моему глубокому убеждению, это очень интересный инструмент для исследования форм жизнеустройства. Стоит задуматься, какой же минимальной единицей "объема человеческой массы" оперирует та или иная идея, проект, закон или нормативный акт? Если они рассчитаны на то, чтобы удовлетворить запросы каждого отдельного человека или гражданина – это замечательный закон!

К сожалению, таких очень мало.

Подавляющее число определяющих развитие общества нормативов подразумевают некие абстрактные величины, где каждому из нас в отдельности места нет.

Но если в законодательстве нет места каждому из нас (кроме Уголовного Кодекса, конечно!), зачем удивляться, что государство смотрит на своих граждан свысока? И рассматривает каждого из нас как дешевую рабочую силу и еще более дешевое пушечное мясо?

Такое веселое заботливое государство...

Ну, да не будем о грустном.

* * *

После Киевского совещания прошел год, подходил ноябрь 87-го, а мы не успевали создать организацию. Нас уже сжимали тормозные колодки системы, не знавшей и не желающей знать ничего подобного тому, что затевали мы. Но и мы никак не отваживались на решительные действия, даже на те, что зависели исключительно от нас.

У страха всегда глаза велики.

Но глаза боятся, а руки делают!

Эта истина внушала нам опасения. Мы знали, что делают-то руки, а бьют чаще по голове!

Мы всего боялись тогда, и многого опасаемся до сей поры (*259).

Нас родили в страхе и растили в благолепии перед системой. И было очень трудно отважиться на утверждение собственной значимости и дееспособности.

Мы – мудрецы из подворотен, глашатаи узких квартир, лидеры кухонных митингов и замкнутых мирков.

Судьба дает нам шанс, но как им воспользоваться? Страшно при мысли о наших отцах, тем более дедах, кто такого шанса не имел и не успел распрямиться.

Не успел? А может быть, не захотел?

Мало ли тех, кто отвергает все новое, только потому, что приятие его граничит с признанием как-то не так прожитой собственной жизни?

Не мало и тех, кто боится потерять место у кормушки, куда сыпается всем гамузом, а черпают по спискам "народные избранные".

И мало ли тех, наконец, кто просто не может уже иначе мыслить – в свое время не научился принимать чужие мнения и признавать, что жить можно по-разному (Кто не с нами – тот против нас!)

Может – лишь тот, кто хочет, у кого хватит сил и упорства.

Это как в пропасти. Идти до конца или вернуться, каждый решает сам.

И только остаться на месте нельзя.

Остаться на месте – значит, отстать навсегда.

* * *

Киев-87 не стал, вопреки нашим планам, решающим рубежом. Но среди суеты секционных выступлений и научных докладов продолжало шлифоваться наше понимание

сути собственных желаний. В работу включилось академическое крыло в лице Виктора Николаевича Дублянского, наконец, видимо, поверившего, что эти парни взялись всерьез.

И снова Совещание отмечает и рассылает своим участникам "Решение":

"Считать ключевой задачей создание общесоюзной общественной организации, обеспечивающей руководство спелеологическим движением.

Поручить Секции спелеологии АН СССР и Комиссии спелеотуризма Всесоюзной федерации туризма образовать рабочую группу по подготовке нормативных документов общесоюзной спелеологической организации.

Просить ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ГКНТ при Совмине СССР, Академию Наук СССР, Мингео СССР... оказать содействие в ее создании".

Новый виток бесконечной спирали.

Среди серьезных слов, мыслей и бумаг вспоминается комната гостиницы и в ней Климчук, умирающий со смеху со сборником тезисов Совещания в руках.

– Ты чего, Саня?

– Да вот, докладик откопал, смотри: "Ископаемый козел Бендукидзе". Как тебе название? Надо пойти послушать этого козла!..

* * *

Этот этап нашей борьбы за самостоятельность ознаменовался одним принципиально значимым пунктом "Решения":

"Считать одним из основных условий успешного развития спелеологического движения в Стране создание и нормальное функционирование самостоятельных спелеологических клубов".

Вопрос о клубах созрел и был закреплён документально.

Но все еще ни слова о личности, о каждом из нас, об индивидуальном членстве – снова, пусть самостоятельные, но коллективы, в которых сливаются в безликую массу отдельные люди.

И снова режут слух и глаз знакомые нотки былых мотивов.

"Руководство" спелеологическим движением – вот что предписывалось нашей будущей организации.

Руководство! Но всякое руководство – это централизация.

Всякая централизация руководства – это власть.

Власть и принудительное подчинение неотделимы. Иначе нет смысла говорить о руководстве.

От принудительного подчинения до рабства – один шаг.

А если без подчинения?

Тогда нет смысла говорить о руководстве. О принуждающем руководстве.

А можно и нужно говорить только о координации. То есть о добровольных действиях на основании получения информации, осознания ее и принятия необходимого самостоятельного решения.

Но понадобилось Климчуку съездить в Штаты, чтобы я смог осознать эту простую истину.

* * *

А следующий год... ах, какой предстоял год!

Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год для нас, кейверов Восточного Казахстана – год тройного юбилея.

Прежде всего, исполнялось 100 лет Мировой спелеологии.

Отечественный кейвинг отмечал 30-летие.

Ну, и встречал свой 10-летний юбилей наш клуб спелеологов "Сумган".

Какой год! Какие надежды!

Он и правда удался для многих, наш юбилейный год.

Но, кроме радости, принес и много печали – на подземных маршрутах погибли пятеро наших товарищей.

И был общий праздник: Всесоюзные соревнования по спелеотуризму в Крыму – в Бахчисарае. Все республики СССР прислали свои делегации на этот невиданный по представительности форум советского спелеодвижения.

Все, кроме Казахстана.

Казахстанской команды в Бахчисарае не было. Так Казахский республиканский совет по туризму и экскурсиям сводил счеты и "карал" слишком активизировавшихся спелеологов своей республики. При этом нимало не заботясь о престиже собственно Казахстана (*260).

В Бахчисарае побывали только двое казахстанцев: алмаатинец Володя Толмачев каким-то образом был официально приглашен и отпущен на судейство, я же прилетел сам, потому что не мог пропустить такую возможность встретиться со столькими друзьями и товарищами по кейвингу.

Белые мягкие скалы Бахчисарая! Твои домики, убогие крыши. Такой маленький дворец-музей со знаменитым "фонтаном Слез", который многие из нас так и не успели посмотреть. И пещерные города в ущелье. И наши флаги на ветру с близкого моря...

Впервые на подобном мероприятии присутствовали спелеологи стран Восточной Европы: словаки, болгары, поляки...

И впервые были проведены показательные выступления по технике одинарной веревки в исполнении поляка Владимира Рудольфа, москвича Владимира Киселева и, конечно, моем, так как, помимо эмоций, это было главное дело, из-за которого я рвался в Крым.

Не обошлось без курьезов.

Вишу на 40-метровой скале неподалеку от трасс соревнований, прокладывая навеску для показательных выступлений. Известняк поразительно мягок, не известняк, а туф – крючья входят, как в масло, и... также легко вываливаются. Приходится отказываться от московских "спитов" и забивать наши "ШэКаэСы" – они в два раза длиннее и держат надежно.

Внизу подо мной раскинулась живописно расцвеченная флагами площадка, уставленная машинами и усеянная фигурками людей. Многие следят за моими манипуляциями на одинарной веревке – большинство знает об SRT только понаслышке.

Вдруг раздается мегафонный голос:

"Эй, на скале! Почему без страховки? Немедленно спускайтесь!"

В некотором удивлении оглядываюсь – кто это там полез без страховки? Соревнования проводятся по правилам классической двухпорной техники, и такое нарушение чревато снятием команды.

Снова кричат в мегафон. Тогда до меня, бестолкового, доходит, что этот "атас" звучит в мой адрес.

Вот так дела! Накануне мы с Киселевым подходили к крымским спелеологам, представляющим здесь спасательную службу, рассказали о наших намерениях провести показательные, вроде, все было встречено с пониманием.

И... на тебе!

Чтобы не дразнить гусей, спускаюсь от последнего забитого мной крюка, подхожу к машине КСС, рядом с которой стоят мои товарищи по Болгарской школе безопасности – симферопольцы Володя Кузнецов и Сергей Бучный. Тут же начальник Крымской КСС.

- Что случилось?
- Почему на одной веревке? – это начальник.
- А как вы понимаете SRT?
- Здесь официальное мероприятие, нарушать безопасность запрещаю.

– Это не нарушение безопасности, а правила той техники, которую мы собираемся демонстрировать. Кстати, с участием наших зарубежных гостей, которые только так и работают.

– Не знаю ничего. Повесьте как полагается страховочную веревку и демонстрируйте, что хотите. Только вне регламента соревнований.

Нормально сидим! Москвич Володя Киселев понимающе улыбается, Варшавянин Володя Рудольф смотрит вопросительно. Он не может понять, в чем проблема. Этого со стороны не понять...

Доказывать что-либо бесполезно. Но и вешать вторую веревку смешно.

Отходим в сторону, подзываем "своих" симферопольцев.

– Мужики, что за дела? Вроде бы, обо всем договорились.

Кузнецов хмуро молчит, потом говорит:

– Что вам, трудно вторую веревку повесить?

– Подождите, пока начальник уедет, – улыбается Бучный.

Этот совет нам кажется более толковым.

* * *

По-октябрьски свежими вечерами, над пологими вершинами Крымских гор, над притихшим Бахчисараем звенели гитары. Здесь встретились спелеологи, друзья по подземным тропам более 70-ти клубов и секций страны.

Не только песни звучали в воздухе Бахчисарая. Были разговоры и споры о будущем. Но наступала, чувствовалась уже усталость. Много за эти годы было слов, все никак не приводящих к делу.

Собрание представителей клубов вынесло последнее решение: 1989 год должен стать решающим.

Или – или.

* * *

Только еще казалось, что эти соревнования никогда не кончатся, что можно еще успеть договорить обо всем завтра, завтра...

И вдруг – все.

Снова увозят золотые медали челябинцы под предводительством Сереги Кеса-Киселева.

И снова мы расстаемся у автобусов, сразу как-то почужевшие – каждый в своих, подступивших невесть откуда, совсем было забытых житейских проблемах.

И суетливо записываем в книжечки новые адреса и обещания.

И нарочито весело прощаемся, вскидывая вверх руки!

Теперь до встречи где-нибудь в горах.

Этот слет, как виденье,
Промелькнул, и осталось:
Наших тактик сплетенье
В переправах и скалах.
Все надежды и срывы,
Все паденья и взлеты
Как-то вдруг отдалились:
Так кончаются слеты.

И остались на память
Нам дипломы и кубки.
И остались на пальцах
От веревок зарубки.
Мы опять уезжаем,
Будто и не встречались,
И немножечко жалко,
Что все быстро промчалось.

Но, ребята, усталость
Не согнет наши плечи.
И опять будут скалы,
Будут новые встречи.
Где-то ждут нас пещеры,
Ждут Хан-Тенгри и Ушбы,
Потому что мы верим
Только в главное – в дружбу! (*261)

---

*258 Такие спелеологические совещания, более известные как "Илюхинские чтения" до того устраивались для интеллектуального общения ученых мужей от карстоведения и спелеологии, но Киев-86 был потрясен нашествием технарей-кейверов, к числу которых мне посчастливилось приобщиться.

*259 "Почему ты говоришь "Мы"? – возразил мне как-то мой друг Женя Зинин. – Каждый должен говорить за себя". Я и говорю за себя, мой Внимательный Читатель, и от имени тех, кто думал и ощущал ситуацию как я. А если Вы думали иначе, были бодры в поступках и не боялись – так это не про Вас. Договорились? Примите мои извинения.

*260 "Слышал? – усмехнулся начальник Казахского Республиканского оперативно-спасательного отряда Алихан Кобжанов при нашей встрече в Алматы, – Твой "лучший друг" из Казтурсовета – Танька Попова, спилась совсем".

Была такая начальница отдела самодеятельного туризма, за что-то люто меня "полюбившая". Наверно, за то, что не пил с ними на республиканских соревнованиях по туризму, где вся казтурсоветовская ГСК – главная судейская коллегия, обычно не просыхала. Или за то, что имел друзей в Москве и держался независимо?

*261 К.Б.Серафимов, В.М.Красиков, А.А.Капустян "Посвящение слету", 1980г.

Константин Борисович Серафимов

"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"

www.sumgan.com